

НАША СТРАНА

Год издания—54-й. Буэнос Айрес, суббота 27 июля 2002

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 27 de julio de 2002 N° 2709-2710

МИРАЖИ СОВРЕМЕННОСТИ

ПОД ВЛАСТЬЮ ЛЮЦИФЕРА

Он был некогда Божьим ангелом. Денница. Сын Зари. Но в непомерной гордости не мог признать над собою высшей власти, хотя бы и благой, хотя бы мудрой и справедливой.

Низвергнутый с неба, стал он Князем Мира Сего, коему дарована сила искушать и испытывать. Ибо "соблазны должны войти в этот мир".

Страшен лик его и горе тому, кто его видел! Но поэты и мыслители, наделенные прозрением говорят, что у него красота, похожая на безобразия, и безобразность, похожая на красоту.

Как ангел, он был прекрасен собою; но сказав "Evil be thou my good!", избрав целью зло, не мог не стать лжецом и обманщиком; отсюда внешняя

прелесть, под коей скрывается, но угадывается мерзость.

На Земле, где ему дано право вмешиваться в историю, он всегда ненавидел и ненавидит стройный порядок, в первую очередь власть, основанную на воле Божией (даже если в ней есть недостатки и заблуждения, — которые он страх как ловко использовать!). И народные традиции, ибо в них звучит глас Божий (а он, "дух отрицания, дух сомнения", тщится вложить в них жестокость и нелепость, — иногда и с успехом).

Он хочет власти для себя. И ужасна его власть, где он ее достигает!

Мы ее видели (но умеем ли понимать?) у нас в страшном самоистреблении концлагерей и расстрелов, видели в гильотинах французской революции, только что видели в кошмарах истерзанной Камбоджи.

И однако все уроки отскакивают от несчастных приверженцев сатанинских призывов ко свободе, равенству и братству!

Кои неизменно, раз за разом, превращаются в невиданные порождения, не только физические, но и духовные; в самое крайнее неравенство, когда худшие и ничтожнейшие правят надо всем лучшим, или в чудовищное равенство внутри Гулага; во братство между Каином и Авелем, в котором торжествует Каин.

А там, где прошел его плуг, где он царил, долго или не долго, остается прожженный его десницей след, разрушение веры и морали, вывихнутые мозги масс, — и отдельные изуверы, остающиеся преданными безумным лозунгам ненависти и зависти. Из коих иные готовы идти на костер во имя своего темного хозяина!

Святую Русь он разрушил

приманкой лжесправедливости; рационалистический Запад соблазнил материальным комфортом; на востоке сейчас вооружит неистовые страсти национализма и религиозного фанатизма.

Нужна большая ясность ума и подлинная твердость в служении истине, чтобы стоять на стороне Бога Вседержителя и не поддаваться уговорам Его врага, Сатаны, доводам вечного Отрицателя, Дьявола!

Постарайтесь пребыть верными, если и остаемся малым стадом! Победы Люцифера темны и преходящие, сколь бы грандиозными ни казались; за ночью, сколь бы мрачной ни была, всегда следует день.

ЕЛИЗАВЕТА ВЕДЕНЕЕВА

ФАБРИКА КЛЕВЕТЫ ВИЗАНТИЙСКИЙ СЕРВИЛИЗМ?

В Эрефии стряпаются за последнее время одна за другой пухлые книжечки, ставящие себе задачей доказать, что белогвардейцы это были (и остаются, кто еще есть) фашисты. А фашисты, для авторов, это суть национал-социалисты; но такое имя нельзя произносить, ибо слово **социализм** — священное, и должно употребляться лишь в хорошем, положительном смысле.

Скверные эмигранты всегда и во всем поддерживали фашистов; а вот СССР с ними боролся в союзе с прогрессивной западной интеллигенцией, как всякие Арагоны и Триоле; которых, своим чередом, теперь постсоветские писатели усердно восхваляют.

В политике "бывшего Советского Союза" произошел новый вольт, в коем мы покамест еще плохо отдаем себе отчет.

На момент было модно признавать культурные достижения белой эмиграции (при условии исключения второй волны, состоявшейся из "изменников Родины"), и пытаться сии достижения себе присвоить.

Теперь дан отбой. Оказалось, на беду, что эмиграция не вполне вымерла; что у нее остались дети; да и пополнение после Второй Мировой войны с трудом поддается полному зачеркиванию.

И вот намечено Русское Зарубежье, прежнее и нынешнее вкуче, предать поруганию.

А для убедительности новой концепции, — заявить, что мол лучшее, что за границей

было, из русских беженцев, — это состояло из сменовеховцев, всяческих Устряловых и К°, а позже — из совпатриотов типа семейства Кривошеиных.

Положим, настоящая-то эмиграция их презирала как зачумленных; а на советской родине их сажали куда надо, а то и расстреливали.

Но такие мелкие детали в счет не идут. Возвращаются времена сталинской пропаганды и массового засорения публике мозгов.

Ну да мы уж как-нибудь вынесем. Нам не впервой. А в СССР — pardon, бывшем СССР, — врать нынче все-таки труднее, чем раньше!

Кое-какая свобода печати налицо, а желающие (а их найдется немало!) до правды будут добираться, пользуясь доходящим из-за рубежа.

Вот и разоблачения генерала Власова, (он де оказывается иногда изменял жене! С которой, положим, так и так, еще до войны разошелся), и власовцев (они де шли на фронт и под пули, чтобы выжить и повыгоднее устроиться) разбиваются о печатающиеся за пределами Эрефии книги, где событиям дается объективная оценка.

А в общем — стоит ли и спорить с советскими (сиречь постсоветскими) врялами, — у которых, признаем, опыт и техника прочно выработаны?

Врите, господа товарищи! Как говорил Тайлейран: "Что-нибудь останется"...

ВИКТОР ШТРЕМЛЕР

В Венгрии, на подворье Сербской Патриархии прошло заседание "Комиссии по единству Русской Церкви" с участием представителей Московской Патриархии и Русской Православной Церкви Заграницей. От сей последней были протоиереи В. Потанов и Н. Артемов, а также М. Назаров.

На интернетовском узле "Религия в России" недавно был опубликован доклад представителя Московской Патриархии Журавского — многолетнего участника семинаров в Мюнхене, проводимых архиепископом Марком, Берлинским и Германским.

Так вот, в своем докладе товарищ Журавский предлагает считать сергианство — "разновидностью византийского сервилизма". О возражениях представителей РПЦЗ не упоминается. Значит ли это, что они не видят большой разницы между византийской и советской системой?

В докладе М. Назарова на

заседании этой комиссии много говорится об апостасии в Русской Церкви до революции, немного о советских гонениях и много — о нынешнем "возрождении" под руководством Московской Патриархии. Акценты так расставлены, что картина получается явно искаженная. Во всяком случае очевидно, что Патриархия от сергианства и сотрудничества с боготорцами отказываться не собирается. А ищущие единства с Патриархией представители РПЦЗ готовы историософски обосновать сергианство, как наследие "византийского сервилизма" и "апостасии в Русской Церкви до революции".

Это — полный отказ от идейного наследия Отцев Русской Православной Церкви Заграницей, которые оценивали коммунистическую власть как предтечу и репетицию антихриста.

ИЕРОМОНАХ ДИОНИСИЙ (АЛФЕРОВ)

Любытино

ПЕЧАТЬ

ГЕНИЙ В РЯСЕ

Расстрелянный в июле 1937 года в Соловецких лагерях, о. Павел Флоренский являл собою редчайший случай многогранной гениальности. Гениален он был во всем, в самых различных сферах жизни. Богословские его работы привлекли внимание не только православных, но и католиков, включая римского папу Бенедикта XV. В Сибири, куда он был сперва сослан, его исследования вечной мерзлоты позволили провести железные дороги там, где считалось до того невозможным. В области электрификации, в которой работал пока был на свободе, он сделал ряд важнейших открытий. Троцкий, который был достаточно умен, чтобы понимать ценность Флоренского, шел с ним на уступки: попросил его не носить на службе рясу, но когда тот ответил, что обязан, будучи священником, позволил ему носить какую захочет одежду.

Наследники Льва Давыдовича оказались менее разумными. Флоренский предвосхитил свою судьбою участь Вавилова и многих выдающихся ученых.

Теперь вот, в “Новом Русском Слове” от 9-го июня с. г. Р. Багирян рассказывает о другом еще замечательном открытии умученного священника. Он, уже в лагере, разработал применение иода как лекарства против болезней и дефектов щитовидной железы и против ряда других болезней, вплоть до гриппа. Теперь же выяснилось исключительное значение этого лекарства для борьбы против радиационных поражений, ставшей особо актуальной после чернобыльской катастрофы.

ОТ РЕДАКЦИИ: В 1981 году Русская Зарубежная Церковь причислила о. Павла Флоренского к лику святых в сонме новомучеников российских.

КТО ВЛИЯЛ НА ФЮРЕРА?

В “Посеве” за август-сентябрь 2001 года, В. Мантулин пишет, что еще в 1941 году граф Ланской, в Белграде, на заседании Свято-Русского Кружка, “заявил, что Гитлер никогда не допустит освободительного движения народов России. Ланской даже указал имена лиц, оказывавших влияние на психику и стратегические планы фюрера”.

Совершенно непонятно, почему же Мантулин не называет эти имена, раз он их знает?

Сколько нам известно, именно сам Гитлер противился созданию русской армии или русского правительства для борьбы с большевиками. Вопреки сильному на него давлению, сперва командования

Вермахта, а потом даже и многих ведущих членов партии национал-социалистов. Сторонником создания РОА стал даже и Гимлер — однако слишком поздно...

СКВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

В “Литературной Газете” от 10 апреля с. г., О. Мороз, в передовице “С кем теперь дружить?” возмущается:

“Неожиданные гонения на собственных коммунистов, которые в последние дни начал Кремль, парадоксальным образом сочетаются у него с поддержкой единомышленников товарища Зюганова в соседних царствах-государствах — там, где их еще можно поддерживать. Тут и Молдавия, и Крым, и Украина в целом”.

Можно бы добавить, что и во внешней политике Эрефия весьма неразумно ищет союзников преимущественно в коммунистическом стане. За которым навряд ли стоит будущее.

ПУТАНИЦА

Ф. Веир, в статье “Запретить иностранный слэнг”, в “Новом Русском Слове” от 5 июня с. г., горячо ратует против вмешательства властей в свободное развитие языка, и в частности в дальнейшее засорение его английскими (американскими) словами. С его точки зрения этому процессу не надо мешать (а может быть, напротив, надо ему содействовать?).

В защиту своего скверного тезиса, автор, то ли по серости, то ли с уклоном, путает совершенно разные вещи! Например, слова **парламент** и **президент** в русском языке употребляются буквально с незапамятных времен, да они и не столько английские как интернациональные, наличные во французском и в испанском.

Еще нелепее было бы возражать против технического и бытового **стоп**, тоже очень уже у нас старого. Что до слов **голкипер** и **форвард**, они были в ходу в 20-е годы; **вратарь** является, как факт, позднейшим нововведением.

Тогда как термины вроде **шоу**, **герлфренд** и **бойфренд** или **пиар** — те, действительно, представляют собою засорение нашей речи ненужным и вредным чужеземным жаргоном (да и отражают не очень хорошие вещи...).

Напрасно совсем он приплетает сюда и возможный перевод татарского языка на латинский алфавит: тюркские языки СССР первоначально были переведены после революции с арабского именно на латинский шрифт (и лишь потом на кириллицу). И это, во всяком случае, совсем иной вопрос.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ САТАНЕ

“Русская Мысль” деловито сообщает, в номере от 13 июня с. г.: “6 июня шведский парламент принял закон, разрешающий гомосексуальным парам усынов-

лять детей”.

Леденяще страшная картина встает за этими строками: несчастных, ни в чем не повинных детей обрекают на духовную, а иногда и на физическую гибель!

Французские власти рассудили иначе, отказав извращенцам в подобных претензиях, и здраво мотивировав решение тем, что интересы детей должны соблюдаться в первую очередь.

ПОД НАЖИМОМ ГЛОБАЛИЗМА

В “Литературной Газете” от 22 мая с. г., Л. Сараскина, в статье “Справедливый крик отчаяния”, рецензируя книгу А. Панарина “Искушение глобализмом”, говорит:

“Современный псевдолиберализм, попирая святыне для классического русского либерализма понятия “нравственность” и “справедливость”, вырождается в социал-дарвинизм, в циничное и корыстное потакание “сильным и приспособленным” в ущерб “слабым и неэффективным”.

“Новейший глобализм, утверждает Панарин, переступает через гуманизм как через пережиток устаревшей ментальности и несет с собою новую модель переустройства мира. Он не признает единства человечества и выталкивает пять шестых его на обочину существования”.

Веселые перспективы! Как не вспомнить слова Некрасова:

**Ужели мы с тобой
Такого века сыновья?!**

МАКСИМОВ О ДЕКАБРИСТАХ

В “Литературном Европейце” № 43 воспроизведено интервью, взятое Ю. Рябининым у В. Максимова за год до смерти редактора “Континента”. Вот что покойный писатель говорит в нем по поводу декабристов:

“Почему мы стесняемся почти 200 лет, и весь мир стесняется нами заодно, над пятью большими героями-повешенными? Это были, между прочим, заговорщики. Люди, которые хотели свергнуть существующий легитимный строй. Не только свергнуть, но и уничтожить царскую семью”.

И ОБ ЕВТУШЕНКО

Там же Максимов так высказывается о ловком приспособленце от поэзии: “Например, Сафонов или Кочетов и другие писатели старшего поколения откровенно отстаивали свои животные интересы и не скрывали этого. Почему же г-н Евтушенко, получая те же самые блага, даже еще большие, те же самые ордена, те же самые посты, считался мучеником? Он от меня еще требовал тернового венца. Требовал от “Континента” признания его мученичества. Я ему так и сказал однажды: как, говорю, в таком внешне значительном человеке — такая ничтожная душонка... Но, оказывается, он всегда боролся с

коммунизмом. Он боролся с навозной кучей, как однажды написал в “Литературной Газете”. Дрался с коммунизмом всю жизнь. А чего ты тогда целовался в засос с Кастро?”

ПУТЯМИ КАИНА

В статье о Максимилиане Волошине “Заповеди поэта” в “Русской Мысли” от 27 июня В. Купченко пишет:

“По мнению Волошина, земная цивилизация постепенно, — начиная с эпохи Возрождения, — пошла “путями Каина” (так и называется большой цикл философских стихотворений Волошина), предавая самое себя. За ее блага: скорость передвижения, жизненные удобства, военное могущество и т. п. — человек платит слишком дорогую цену, уступая духовные свои завоевания достижениям “комфорта и мещанства”. Здесь Волошин оказался одним из самых прозорливых пророков начала XX века!”

Предсказания, действительно, полностью сбылись...

ПУТЕШЕСТВЕННИК НА ЛУНУ

Ю. Росциус начинает свою статью “Загадочный Сирано”, в “Новом Русском Слове” от 10 июня с. г., словами: “С веселым гасконцем Сирано де Бержераком мы знакомы, в основном по одноименной пьесе Эдмона Ростана”.

Собственно говоря, Сирано не был гасконцем (хотя и служил в гвардейском полку, где было много гасконцев), и не совсем ясно, почему же он “веселый”? В пьесе, — которую Росциус знает, вероятно, по превосходному переводу Щепкиной-Куперник (хотя существует по-русски и другой, более поздний перевод), его роль скорее трагическая; да и жизнь была не особенно сладкой.

Росциус уточняет, что его книга “Иной свет или государства и империи луны” была по-русски издана дважды, в 1931 и 1971 годах. Я ее читал, очевидно, в первом издании. А что она “стала библиографической редкостью”, — это уже дальнейшее развитие вещей.

Автора статьи поражают сделанные Сирано де Бержераком научные провидения; ракетные двигатели для межпланетных путешествий, роль лейкоцитов в кровообращении и целый ряд других вещей.

И задаст недоуменный вопрос: “Как все это мог столь детально предвидеть храбрый повеса XVII столетия?”

Пример, однако, не столь уж исключительный: более или менее то же говорят часто о научных предсказаниях Леонардо да Винчи. Талант, гениальность, острота ума — вещи, если и поразительные, то время от времени наблюдающиеся; и вряд ли стоит им искать фантастических объяснений.

В. Р.

Е. ПОРЕЦКАЯ

ТРУБАДУРА ФРАНЦУЗСКОЙ КОМПАРТИИ

“Бабушкой русской революции” пазывали эсерку Е. Брешковскую, в царские годы много времени проведенную в подполье, либо в ссылке; весьма, впрочем, комфортабельной — вспомним, что даже Ленин в ней пользовался всеми благами, вплоть до охотничьего ружья и отлучался из нее, когда хотел.

“Бабушкой” же французской компартии именовали недавно умершую в возрасте 91 года Жаннетту Вермеерш. В 18 лет она “открыла” Октябрьскую революцию и когда в 1930-м поехала в Москву на съезд КПСС как представительница французской коммунистической молодежи, там она впервые встретила — и покорила — Мориса Торреза.

Тогда он уже был генеральным секретарем КПФ, которая вместе с социалистами входила в могущественный “Народный Фронт”. Именно благодаря этой коалиции Франция и была так молниеносно побеждена немцами в 1940 году: леваки ослабили страну бесчисленными, нескончаемыми забастовками.

Вермеерш с Торрезом представляли собой некую мифическую “первую пару” французской компартии. В 30-е годы она создала “Союз французских девушек” и стала железной рукой вмешиваться в дела КПФ.

Когда началась война, Торрез, подлежащий призыву, дезертировал — то ли под влиянием Жаннетты, то ли по приказу Сталина. Поскольку тогда нацисты были еще союзниками СССР, он с ними воевать не хотел. Всю войну пара прожила в Москве, где у них родилось три сына: Жан, Поль и Пьер. В 1945 году они вернулись во Францию. Де Голль, желавший получить поддержку коммунистов не только обещал Торрезу неприкосновенность, но даже сделал его министром; правда, ненадолго.

С тех пор, пара была всецельной. Однако ни для кого не было секретом, что Морис сделал политическую карьеру только благодаря Жаннетте. Ярая сталистка, она была ему во всех случаях бескомпромиссно верна, и прославилась той жестокостью, с которой она участвовала в периодических внутрипартийных чистках. Депутатка ключевого департамента “Сены”, она затем даже была избрана в Сенат.

Никогда, что бы советская власть не совершала ужасного перед лицом всего мира, она ее не критиковала. При вторжении Красной Армии в Чехословакию в 1968 году, когда даже для левых стало неизбежным от этого действия отмежеваться, Жаннетта предпочла подать в отставку, но не выступать с осуждением СССР. Когда наконец вышла во Франции документальная “Черная Книга” о злодеяниях коммунизма, она называла эти сведения клеветой и аж до 1998 года продолжала преклоняться перед Сталиным, утверждая: “Даже если коммунизм реализуется через два века, стоит за него бороться. Тем хуже для меня, что я этого не увижу...”

Однако вернемся к сыновьям

Торреза и Жаннетты. Все трое прошли через пионерское промывание мозгов (и одновременно обрусели). По возвращении во Францию, к разочарованию “красной пары”, большевицкого энтузиазма не проявили. Наоборот; старший написал книгу, где вспоминал пионерский быт, советскую власть и идеологию с негодованием и отвращением.

Ну, а второй, Павел? Пишущая эти строки в 60-х гг оказалась на Рождественской “Елке” в одном из приходов Русской Зарубежной Церкви в глубокой французской провинции. Елка была “с размахом”. Выписанный из Парижа опытный артист руководил детскими играми. Местная греческая молодежь в национальных костюмах — “эвзонов” — бойко танцевала сиртаки. Школа балетного искусства предлагала гостям великолепные номера в шикарных одеяниях. Церковный хор выступал со светской программой; были и профессиональные певцы. Неизбежный Дед Мороз, подарки... Ну и, конечно, во всю торговал буфет — главный источник заработка для покрытия трат.

Среди распорядителей выделялся молодой мужчина с весьма характерным и чем-то знакомым обликом: как бы высеченная из гранита голова, грубые черты лица, агрессивно выпирающие скулы.

Кого же он напоминает? Да ведь это же Торрез! Хотя нет, Морис намного старше. Оказалось — это его сын Павел, вылитая копия бывшего главы КПФ...

Держит себя скромно, представляет стулья, уже не раз сбегал за пополнением буфета. Хор пропел тронарь праздника: смотрю на молодого Торреза — стоит почтительно, но не крестится.

Вот уж неожиданная, негаданная встреча! Оказалось, что староста этого храма — известный в городе дамский парикмахер — зажиточный православный грузин или армянин. Его красавица дочь, жгучая брюнетка приглянулась Полю Павлу и они поженились. Стало быть, сын красных вожаков помогал своему тестю в устройстве приходской “белогвардейской” Елки!

Больше он мне никогда не встречался. Какова его судьба? Если были дети, то им сейчас наверное не менее 30 лет. Каково им носить гремевшую в свое время фамилию Торреза?

Впрочем может быть это имя большинству французов ничего не говорит? Морис умер, в общем, при полном безразличии соотечественников, да и смерть Жаннетты была отмечена только левой прессой, как женщины “до конца своих дней неизменно верной идеалам русской революции”.

Когда-то Иван Солоневич едко прозвал Е. Кускову “трубадурой революции”. Тем паче этого прозвища заслуживает Жаннетта Вермеерш, тупо славословившая Октябрь даже после полного краха коммунизма в России и во всей Восточной Европе.

Е. ПОРЕЦКАЯ

Р. ПОЛЧАНИНОВ

ОЛЬГИНА ОТЧИНА

Книга Миры Яковлевой под таким названием посвящена 1100-летию первого упоминания Пскова в летописи. С повести “Драгоценное имя — Ольга” начинается книга. Имеется в виду Св. Великая Княгиня Ольга, а название надо понимать как — Ольгина отчина. Ведь Ольга была псковитянской.

Про автора сборника “Ольгина отчина” сказано на оборотной стороне титульного листа: “третья книга известного публициста Миры Яковлевой. (...) Ее рассказы и очерки неоднократно публиковались в центральных и зарубежных изданиях, она — участник многих сборников произведений псковских писателей”.

В летописи, под 903 г. от РХ было сказано: “Князь Игорь взял в жены Ольгу из Пскова”. Значит, не будь Ольги, не известно когда и как появилось бы в летописях название Плесков — древнее название Пскова. Мира Федоровна Яковлева утверждает, что имя Ольги было первым женским именем, упомянутым в русских летописях. До нее имена жен древнерусских князей нам не известны. Авторша объясняет и происхождение этого имени: “Невеста пленила весь киевский двор. Князь Олег был восхищен выбором Игоря и в знак особого расположения дал девушке свое имя — Ольга”.

На Завеличье, у Пароменской церкви, где некогда был паром через реку Великую, Великая Княгиня Ольга, уже будучи христианкой, любовалась на холм у слияния Псковы и Великой и повелела там построить храм во имя Св. Троицы. На этом месте, где стояла Св. Ольга, была построена часовня, разрушенная в советское время, а ныне восстановленная. М. Яковлева пишет:

“Заботами и хлопотами созданного в начале 90-х годов Ольгинского Общества, на левом берегу Великой вновь стоит белая, словно лебедь у вод большой реки, часовня во имя Святой и Благоверной Княгини Ольги. Имя Великой Княгини Ольги возвращено мосту через Великую, который снова зовется Ольгинским. Дорогое псковичам имя Ольги вернули и набережной реки Великой. В канун Ольгина дня, который отмечается 24 июля, на родину княгини, в Выбуты, как встарь, отправляются паломники, чтобы принять участие в водосвятском молебне, который служат в древнем, ныне восстанавливаемом Ильинском храме. А в Пскове в Ольгин день в Троицком соборе совершается торжественное богослужение. Просторный храм почти наполовину заполнен именинницами, ибо каждая седьмая девочка, родившаяся в Пскове, носит драгоценное имя — Ольга”.

В следующей повести, “Внук Мономаха”, говорится о псковском святом князе Всеволоде, а в третьей, “Князь Довмонт”, говорится о третьем псковском святом князе Довмонте, в святом крещении — Тимофее.

Дальше идут главы “От гражданской до отечественной”, “Лихолетье”, “Белые пятна войны”, “Псковские знаменитости” и “Уходящая натура”. Темы разные, но все повести и

рассказы написаны одинаково талантливо.

В главе “Белые пятна войны” три рассказа посвящены Псковской Православной Миссии. Девочка Мира была одна из первых, поступивших в “Школу в церковной сторожке”. Так и назван ее первый рассказ в этой главе, написанной трогательно, с любовью.

Позволю себе остановиться на статье, посвященной псковским знаменитостям — “Питомцы губернской гимназии”.

“Это случилось поздней осенью вскоре после освобождения Пскова. Город лежал в развалинах. Прохожие передвигались по узким дорожкам среди битого кирпича и щебня. С наступлением темноты жизнь в городе замирала. Уличного освещения не было. Запоздалые горожане пробирались к своим жилищам в непроглядной тьме. Николай Николаевич, однако, шел бодрым уверенным шагом. Те двое, что внезапно возникли из темноты, вероятнее всего, поджидали притаившись. Один из них подошел к нему вплотную и сказал коротко: “Снимаю плащ”. Пока Николай Николаевич пробирался по темным улочкам к дому, в развалинах, где нашли приют юные грабители шел спор.

— А я тебе говорю, что это Николай Николаевич, — подросток постарше тряс перед носом младшего удостоверение, найденным в кармане плаща.

— “Завтра пойдешь и вернешь плащ”.

Известный и всеми уважаемый Николай Николаевич Колиберский был сыном священника о. Николая, который вместе с белыми ушел в Латвию. Отец Николай вернулся в 1941 г. в родной ему Псков, как писал в своих воспоминаниях о. Георгий Тайлов, в качестве временно исполняющего обязанности начальника Миссии.

М. Яковлева знала Николая Николаевича и однажды спросила его про историю с плащом.

“Да был такой случай. Рано утром в дверь робко постучали. На пороге стоял подросток и держал на вытянутых руках плащ. Он поспешно сунул сверток и побежал от двери прочь.

— Постойте, куда же вы? Вернитесь, — взывал к убежавшему Николай Николаевич, но того и след простыл.

— Вы хотели его задержать? — спросила я.

— Я хотел пригласить его выпить чашку чая. У него был жалкий вид замерзшего в своей ветхой одежке ребенка, к тому же мне надо было его как-то отблагодарить...”

— Отблагодарить? За что? — изумилась я еще больше.

Как за что? Не каждый это сделал бы. И в Гражданскую и в прошлую войну я видел столько обездоленных, голодных, полураздетых детей, что смею думать, тому юному человеку плащ был нужнее, а он принес его мне...”

Какой прекрасный пример христианской любви!

Вся книга написана талантливо и увлекательно. Жаль только, что издана она малым для огромной России тиражом — всего 500 экземпляров.

Р. ПОЛЧАНИНОВ

АРКАДИЙ РАХМАНОВ

ПРОБЛЕМЫ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Читая интересную и обстоятельную работу испанского лингвиста А. Грихельмо "Defensa apasionada del idioma español" (Madrid, 2001; 400 страниц), удивляешься: как близки те проблемы и трудности, которые встречаются сейчас испанский язык и его носители к таковым же нашего языка и нас самих!

Одно из несчастий, на коих сосредотачивается автор, это натиск английской лексики, а затем и английских оборотов, все хуже засоряющих кастильскую речь. Напор идет в разных областях, но хуже всего — в сфере кибернетики, которую один из испанских писателей назвал **киберидиотией**.

В целом же опасность и абсурдность вторжения английских (вернее сказать — североамериканских) слов состоит в том, что они, в отличие от прежних, малочисленных заимствований, какие испанцы делали у арабов, у итальянцев и французозов, поступают в непереработанной, не приспособленной к их родному языку форме, и притом являются часто совершенно ненужными, ибо и без них существовали вполне адекватные предмету термины.

Можно отметить, что сходные процессы идут сейчас по всей Европе, угрожая структуре языков старой и высокой культуры. Идут они, вероятно (быть может еще острее?) и в Азии и Африке (в Японии, например, они определенно имеют место).

Параллельно возникают и другие беды, связанные, как с горечью констатирует писатель, с комплексом неполноценности, овладевшим ныне обитателями Пиренейского полуострова: например, иностранные имена и названия (городов, областей и т. д.) даются теперь в прессе не в традиционной национальной форме, а с фонетикой английского (иногда, реже, французского) языка.

Как не почувствовать, что то же самое делается в наши дни и в России! К большому ущербу для нашего языка и культуры...

Грихельмо справедливо указывает, что часть этих не-

счастий проистекает из те-перешнего пренебрежения изучением классических языков и грамматики родного языка в школе.

Любопытно, что он приводит курьезные образцы изуродованной речи в устах сегодняшних политиков (включая глав правительства, — Аснара, Гонсалеса и других) и журналистов, и противопоставляет им всегда безукоризненные выражения короля в его обращениях к народу.

Много места отведено разбору и решительной критике нелепого предложения колумбийского писателя Габриеля Гарсии Маркеса радикально реформировать орфографию испанского языка. Которая, будучи чрезвычайно простой и логичной в реформе абсолютно не нуждается!

Предлагаемые Гарсией Маркесом изменения повели бы к созданию частых смысловых недоразумений, сделали бы огромную литературу со всем ее драгоценным богатством недоступной новому читателю и превратили бы, на практике, испанский язык в гораздо более трудный для изучения иностранцам, а иностранные языки в более трудные для испанцев.

Сейчас, по крайней мере при чтении, англичанин или француз легко угадывает значение множества испанских слов; а фонетическое их написание явилось бы к тому препятствием. Таковым же оказалось бы оно и для испанца, занимающегося каким-либо другим европейским языком.

Вопреки всем трудностям и осложнениям, через книгу проходит однако утверждение того отрадного факта, что испанский язык остается языком 400 миллионов жителей земного шара, что на нем безо сколько-нибудь серьезных отклонений говорят по всей Латинской Америке, в части Африки и даже, во все большей степени, в Соединенных Штатах (где число испаноязычного населения превысило 25 миллионов человек).

АРКАДИЙ РАХМАНОВ

Т Р И Б У Н А Ч И Т А Т Е Л Я

“ФАШИСТЫ ОТРУБИЛИ!”

Хорошо, что В. Рудинский написал об оккупации (“НС” № 2707-2708). Вокруг немецких жестокостей (хотя они, разумеется, были) советская пропаганда и американская кинопромышленность создали миф, иногда порождающий любопытные явления.

Так, ко мне недавно зашел юноша из России, (у его отца, увы, неистребимый советский душок). Смотрит, у меня развернут французский журнал на странице, где показана английская принцесса Анна посещающая приют для несчастных детей, родившихся без ног, без рук или с иными дефектами. Детей этих обучают, например, рисовать картины пальцами ног. На фотографии одна из девочек подает принцессе букет цветов ногой.

А мальчик этот, хотя ему уже лет 16, сразу же: “Что она, без рук, ей фашисты отрубили?”

Девочке — лет 13; стало быть родилась почти через полвека после смерти Гитлера. Но раз она без рук — это фашисты сделали!

Д. Ржанов (Франция)

КТО ЗАКАЗАЛ КНИГУ?

Насчет своей книги “Фашизм и русская эмиграция” А. В. Окорочков пишет, что она вызвала неудовольствие среди либералов, а я думаю, что именно либералы ему заказали ее написать и оплатили издание, чтобы дискредитировать правых.

А. Босоволков (США)

ПОЭЗИЯ ЛИДИИ ШЕЛЕСТ

На страницах “Нашей Страны” уже не раз писали о жене Бориса Башилова (Юркевича) Лидии Шелест и о ее стихах. Мне тоже посчастливилось прочесть сборник ее стихов “Не заката хочу, а рас-света”.

В ее стихах нет ничего броского, необычного. Они чрезвычайно просты. Просты — как воздух, вода, хлеб. В повседневной сутолоке об этих вещах как-то забываешь, но вот жить без них не можешь. Старая деревянная скамейка, шопот

тополя у окна, согретое солнцем крыльцо, на котором так уютно посидеть глядя на закат — все это, что посторонний взгляд может и не заметить, рождает в душе светлое, радостное чувство ощущения родины, любовь к ней. Об этом и писала Лидия Шелест.

В рассказе Б. Башилова “О немецких соловьях и русских могилах” есть стихотворение, которое по видимому тоже принадлежит перу Л. Шелест. Будем надеяться, что оно будет включено в следующее издание ее стихов.

Антон Громов (Германия)

УСЛУГА ЛИМОНОВУ

Тем, что власти РФ держат в заключении писателя “Эдичку” Лимонова, они делают ему величайшую услугу: превращают в мученика, создают неимоверную рекламу во всем мире.

Путинское правительство таким образом гальванизирует и воскрешает — интересно, в каких целях? — труп лимоновской Национал-Большевицкой Партии.

Б. Гасан (Аргентина)

РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

Книга Джека Уайт “Uther” (Нью Йорк, 2000), о рыцарях Круглого Стола безграмотная до странности.

Автор искренне думает, будто дочь римлянина по имени Publius Varrus должна была называться Verónica Varrus! Воображая себе, что Varrus, это фамилия как у англосаксов. Он не знает не только римских обычаев, но, очевидно, и просто латинского языка... А берется писать о далеком прошлом, мало кому вообще известном...

Истории о Круглом Столе, Граале и пр. до нас дошли в средневековой переработке, поэтической, увлекательной, но, конечно, недостоверной. А попытки восстановить быт кельтов до завоевания англосаксами Британии, — все очень произвольные, вряд ли верные (обычно концентрируются на придумывании ужасных или непристойных обычаев и нравов).

Г. Криваго (Италия)

“НАША СТРАНА” НА ИНТЕРНЕТЕ

Благодаря самоотверженным трудам д-ра Дмитрия Владимировича Подоляки, которому редакция приносит свою глубокую благодарность, “Наша Страна” имеет на Интернетe свой собственный узел: <http://nashastrana.narod.ru/index.html>

БИБЛИОГРАФИЯ

В. Катанян, “Лили Брик” (Москва, 2002).

Книгу можно охарактеризовать словами: “неудавшаяся апология”. Автору хочется, чтобы мы восхищались описываемой им личностью. — а у нас ее поступки и высказывания вызывают совершенно противоположное впечатление.

Поверим все же ему на слово, что у нее был большой “сексапил”. (Впрочем, он таковой же приписывает и Маяковскому...).

В остальном, попробуем судить по фактам. Барышня из интеллигентной и видимо приличной еврейской семьи в 16 лет “крутит роман с учителем музыки”, каковой кончается абортom. И, начиная с того, — четверо мужей (правда, за очень долгую жизнь...) и бесконечное количество любовников. (Подсчитать их просто невозможно).

Катанян горячо возмущается тем, что об его героине и ее сестре (в сексуальных похождениях мало в чем ей уступавшей) некоторые говорили: “девицы без моральных устоев”, а позже о ней “дама общего пользования”.

“Клевета!” — восклицает он по этому поводу, и по многим другим. Но, право, какую же и клевету можно придумать хуже ее поведения?

Она-то, положим, с вызывающим презрением отзывалась всегда обо всех принципах нравственности (да и порядочности): “мещанская мораль”, “бабушкины нравы”...

Немудрено, что она себя лучше всего чувствовала в годы, когда все стеснительные правила в данной области были отменены, ибо строилась “новая жизнь”. (Сам Катанян однако смущенно констатирует, что в процессе данной стройки “наломали немало дров”).

Ну, а об ее сосуществовании втроем, сперва с Бриком (с коим она была чин по чину повенчана при участии раввина) и с Маяковским, и потом с Бриком и Примаковым (опять же втроем) можно только строить предположения, в том что касается эмоциональной оных стороны.

Любовь? Но мыслимо ли к подобным (как никак сверхуродливым) отношениям прилагать данное слово? Разве что — в кавычках...

Любовь кого к кому? Катанян, базируясь на словах самой Лили, считает, что она любила только Брика, — который мол ее разлюбил как женщину, но сохранил де к ней чувства как к другу.

Трудно понять причины такой страсти. По всем фотографиям судя, наружность у Осипа Максимовича была, мягко говоря, — плюгавая. Духовные совершенства? Тут уж и вовсе теряемся... Например, служил в чека. Но как объясняла Лили, ей это вообще казалось героикой и романтикой.

Ну а Маяковский? А ему роль отводилась довольно жалкая: его дама сердца поминутно ему изменяла. (Катанян десятками приводит имена); ему же разрешалось иметь кратковременных любовниц, но наотрез запрещалось жениться (что он порывался сделать; даже, вроде бы, и застрелился, когда сорвался намеченный им брак с актрисой Полонской).

Остановимся на миг, чтобы выяснить имя нашей героини. Родители ее назвали **Лили**; и, например, одаренный живым чувством языка К. Чуковский так ее всегда и называл. **Лиля Юрьевна** звучит чудовищно — и абсолютно не по русски! **Лиля** для русского есть ласкательное имя, не могущее сочетаться с отчеством, **Лиля Юрьевна** звучит как “Вася Петрович” или “Маня Сергеевна”.

Чувствуя, может быть, это Катанян ее величает ЛЮ. Ну что ж: Лю так Лю.

Есенин ее, между прочим, называл **Беатрисочкой**, посмеиваясь над ее ролью музы эгерии для Маяковского.

В остальном, главное свойство характера Лю было, что она (следуем Катаняну): “вообще не терпела, чтобы кто-то был выше”. В силу чего, помимо прочего, отбивала мужей у лучших подруг (в том числе увела отца Катаняна от его матери; и это будучи уже немолодой, — после расстрела Примакова...).

Именно в связи с сим инцидентом у повествователя вырываются слова: “Идеологом эгоизма и нигилизма в личных отношениях, которых придерживалась Лиля Юрьевна, был Осип Максимович Брик, которому она безоговорочно доверяла и советам которого безотказно следовала”.

Могут сказать, — допустимо ли вообще копаться в такой грязи? Однако что же делать: вот за самое последнее время Л. Ю. Брик посвящены две книги (а в книгах о Маяковском, коим нет числа, ей всегда отведено много места).

Что кидается в глаза, об обоих членах этой пары (или даже тройки), это — полное отсутствие вкуса. Даже в русской литературе Лю больше всего любила... “Что делать” Чернышевского. А письма, — к ней Маяковского и ее к нему! Какое-то засахаренное сюсюканье; даже не сахар, а сахарин, оставляющий чувство кислятины...

Лилик. Личик... тут впрочем тот элемент истины, что роль господина целиком принадлежала мадам Брик, а поэт слепо повиновался ударам ее хлыста.

Мы знаем любовные письма Пушкина, А. К. Толстого, Гумилева, — какая огромная разница! Может быть, и как поэта, и в сфе-

ре политики, самое главное свойство “агитатора, горлана, главаря” и состояло в вопиющем безвкусице?

О политике было бы слишком длинно говорить здесь; да и вышло бы еще грязнее, чем о любовных делах.

Катанян благожелательно толкует тот факт, что в квартире Бриков постоянно вертелись чекисты, во главе с Аграновым, в смысле, что они, и главное Маяковский, находились под неусыпным наблюдением “органов”.

Так ли? Напрашивается скорее предположение об их усердном с этими “органами” сотрудничестве...

А уж позднейшие повороты в мышлении как Лилички, так и ее сестрицы, супруги Арагона, — более дышат наглым лицемерием, чем искренней наивностью. Они де лишь после громких разоблачений узнали чем на деле занимались Чека-ГПУ-НКВД...

Куда ветер дует...

Катанян проследивает жизнь интересующей его “выдающейся женщины” до самого конца, до последнего увлечения — Параджановым. Прилагая множество фотографий. На последних она безобразна до ужаса!

Конечно, старость никого не красит. Но разве мы не встречаем постоянно вполне благообразных, если не красивых пожилых дам? Сдается — проявилась ее подлинная сущность, ранее скрывавшаяся внешней смазливостью.

Хотя как не признать, что все житейские блага она ловко сумела извлечь, все удовольствия, не брезгуя их качеством, сумела получить! Если от иных и пахнет серой...

У самого Маяковского вырвалась когда-то о ней строчка:

Мясо дьявола...

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

К. ВЕЛЬЯМИНОВ

“УВЕЗЕННЫЕ ГЕНЕРАЛАМИ”

Прочел в “НС” 2683-84 прекрасную статью москвича Антона Васильева “Белой армии оплот”, в которой он ссылается на А. Бушина: “Генерал Дитерихс и адмирал Колчак, тысячи и тысячи доверивших им свою судьбу офицеров и солдат, устилавших своими телами равнины и горы Сибири, сделали, что могли, и даже больше...”

И несмотря на этот бесспорный исторический факт, ненависть к белым вождям в нынешней России продолжает разжигаться. Всегда находится повод как-то кольнуть, лягнуть их, что-то выдумать...

Возьмем например книжечку Л. С. Запаринной “Непридуманные рассказы”, издательство Московской Патриархии “Отчий Дом”, Москва, 2001. Она предназначается “школьникам, студентам, воспитателям, христоролюбивым воинам...” и подчеркивается, что в рассказах, де, нет вымысла.

И вот в очерке из жизни парижской русской эмиграции “Паломничество в Лурд”,

читаем:

“В ту пору среди русских эмигрантов с необычайной силой свирепствовал туберкулез. Болела главным образом молодежь — бывшие гимназисты, кадеты, юнкера, студенты, солдаты, **увезенные белыми генералами за границу**.”

Попав в чужую страну, без родных, без знания языка, без денег и специальности молодые люди погибали. Они не могли стать ни конторщиками, ни продавцами, не говоря уже о более квалифицированных специальностях. Единицы попадали на фермы, а большинство шло на самую вредную работу: в шахты или на заводы, где при самом изнурительном труде получали минимальную плату. Ее с трудом хватало на бедный угол и убогий стол где-нибудь в низкопробных харчевнях Парижа. Если к этому прибавить сознание полной бесперспективности, тоску по семье и родине, то станет вполне понятно, почему туберкулез косил эти молодые жизни”.

Читатель и сделает вывод: злые белые генералы увезли молодежь из России насильно и, следовательно, виноваты и за туберкулез и за вредную работу и прочее.

А вот и в “Русской Мысли” от 10 апреля 2002 г. в статье “Лирическая трагедия о русской эмиграции”, корреспондент из Москвы, некий Всеволод Сахаров также пишет о “ловушке эмиграции, в которой **против своей воли** оказались миллионы русских людей”. Выходит, уже кампания какая-то...

С другой стороны, авторша “Непридуманных рассказов” пытается внушить, что не “увези” эту молодежь белые генералы, останься она в СССР, вот бы тогда благоденствовала...

Мы же знаем, что эта молодежь была идейная, и никто ее не “увозил”. Кадеты и гимназисты, еще по сути мальчишки, минув всякие опасности, пробирались к добровольцам, пополняли редущие белые ряды, для этого часто скрывая свой год рождения, дабы быть

принятыми в строй. И со славой гибли в неравной борьбе за Россию.

А после поражения в Крыму, эвакуация была, разумеется, никак не принудительной. Причалили корабли, кто мог пробрался, многие не смогли — уже не было мест, люди стояли на палубах вплотную друг ко другу.

Уходили, покидали свою родину не как беженцы (был советчиками даже состряпан такой фильм, с идиотским названием “Бег”). Нет, отступали чины Русской Армии, проигравшие сражение, но готовые возобновить войну против красной нечисти...

Впрочем, в этой книге и немало нападок на нашу Зарубежную Церковь. Так что шельмует автор белых генералов, конечно, не спроста. Сегодняшние совки унаследовали от вчерашних советчиков задание развенчать русскую политическую эмиграцию в целом.

К. ВЕЛЬЯМИНОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

84-АЯ ГОДОВЩИНА

Нам пишут из Москвы:

Тысячи людей вышли на улицы России, чтобы отметить очередную годовщину со дня убийства Царской Семьи.

В Екатеринбурге, по подсчетам “Франс Пресс” 4.500 человек участвовали в крестном ходе шествовавшем до места царубийства, где в настоящее время возводится храм в память Императорских Мучеников.

В Москве — согласно тому же информационному агентству — свыше 300 человек прошли к церкви Василия Блаженного, на Красной Площади. Многочисленные крестные ходы имели место вдоль и поперек страны, в частности в Санкт Петербурге и Туле.

Одновременно власти сообщили, что останки Императрицы Марии Федоровны, матери Царя Мученика Николая Второго, скончавшейся в 1928 году в Копенгагене, будут перевезены в Петербург и там похоронены в сентябре 2003 года.

Б. В. ПРЯНИШНИКОВ

Нам пишут из Вашингтона:

На сотом году жизни в городе Сильвер Спринг, штат Мэриленд, скончался один из первых белых воинов Борис Витальевич Прянишников. Из потомственных дворян Области Войска Донского, будучи кадетом новочеркасского Донского Императора Александра Третьего кадетского корпуса участвовал в подавлении большевицкого восстания в Ростове на Дону в ноябре 1917 года.

Летом 1918 года, тайно покинув отчий дом, добрался до станции Мечетинской и там поступил в Партизанский полк Добровольческой Армии, впоследствии переименованный в Алексеевский. Прodelал с полком Второй Кубанский поход и был награжден георгиевской медалью 4-й степени. В боях под Каховкой в августе 1920 г. был ранен, но остался в строю, за что был награжден Георгиевским крестом 4-ой степени.

После сидения на острове Лемносе, попал в городок Ямбол в южной Болгарии. Тут в 1932 году произведен в первый офицерский чин. В 1925 году переехал во Францию, где ряд лет спустя вступил в Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Вышел из НТС после Второй Мировой войны, когда власть в этой организации захватил состоявшийся на службе американцев левый оппортунист Е. Романов-Островский.

Б. В. Прянишников автор книг “Незримая паутина” и “Новопоколенцы”.

“ДВЕ СИЛЫ”

Нам пишут из Москвы:

В издательстве журнала “Москва” двухтысячным тиражем вышел роман Ивана Солоневича “Две Силы”, впервые печатанный подвалами в “Нашей Стране” с 1-го ее номера в 1948 году и опубликованного отдельно в 1968-м в Нью Йорке “Свободным Словом Карпатской Руси”. Развязку для этого издания дописывал брат И. Л. Солоневича — Борис, а в теперешнее, московское, вошла и статья “Биография Степки”, взятая из “Нашей Страны” № 94 за 1951 год, где словами самого Ивана Лукьяновича рассказывается как появился на свет роман.

Книга предварена статьей М. Б. Смолина “Об авторе “Двух Сил””, в которой, в частности, указывается: “Уже 18 сентября 1948 года начинает выходить газета “Наша Страна”, благополучно издающаяся до сих пор. Иван Солоневич снова пытается “монархизм чувства дополнить монархизмом холодного разума”. В Аргентине он публикует главную книгу своей жизни — “Народная Монархия” (1952). Как писал И. Л. Солоневич, этот капитальный труд посвящен познанию русского народа и его трагической судьбы. Ни один из выживших народов мира такой трагической судьбы не имел”.

М. Б. Смолин отметил также, что “роман “Две Силы” Ивана Лукьяновича Солоневича (1891-1953) был любезно предоставлен для издания в России современной редакцией аргентинской русской газеты “Наша Страна”.

Редактируемый писателем Л. И. Бородиным журнал “Москва” выпускает в ближайшее время сборник художественно-политических повествований Ивана Солоневича, в который войдут: “Роман во Дворце Труда”, “Памир”, “В деревне”, сказка “Хозяева”. Адрес издательства: 121918, Москва, ГСП-2, ул. Арбат, 20. Телефоны: (095) 291-83-91; 291-71-10. Факс: (095) 291-07-32.

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ

Нам пишут из Москвы:

В интервью “Российской Газете” бывший чеченский

полевой командир Адам Бибулатов заявил, что “выкупы за пленных и бизнес на торговле людьми начались после Хасавюртских соглашений: причем основная “заслуга” в становлении этого бизнеса принадлежит Березовскому”.

Бибулатов рассказал, что он “лично хорошо знал Бориса Абрамовича поскольку с чеченской стороны осуществлял обмен военнопленными. По первому слову Березовского из мест заключения освобождали не только боевиков, но и любых преступников. Был огромный финансовый фонд, чтобы платить выкупы. Так, например, Березовский заплатил 2,8 миллиона долларов за известного похищенного человека: при этом он не забыл ни себя, ни похищенного. О его, так сказать, неформальных связях с Асланбеком-Большим известно многим в Чечне”.

По словам бывшего полевого командира, Березовский “любил, чтобы ему все подчинялись, а для этого нужно было много власти. Обмен заложниками давал ему огромные политические дивиденды, освобождение почти каждого заложника широко рекламировалось, он выступал в роли единственного реального спасителя. Та политика, которую он проводил на Северном Кавказе должна была способствовать тому, чтобы поднять его собственный авторитет”.

ЗАВИСТНИК ВОЙНОВИЧ

Нам пишут из Москвы:

Историк литературы Людмила Сараскина отозвалась о вышедшей на днях антисемитской книге Владимира Войновича “Портрет на фоне мифа”: “Войнович не может скрыть обиду, что кому-то дано все, а кому-то немножко. Ему хочется навсегда покончить с тотальной несправедливостью Фортуны. Так же когда-то “развенчивали” и Пушкина и Достоевского. И были пролеткультовцы, которым не спалось из-за славы корифеев. А

Войнович переживает успех Солженицына так яростно, что даже подтасовывает факты”.

Л. Сараскина, известная любителям отечественной словесности книгами о Достоевском и его круге, готовит биографию А. И. Солженицына.

РУССКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ

Нам пишут из Москвы:

Семен Токмаков, заместитель главы Народной Национальной Партии возглавляемой А. К. Ивановым-Сухаревским, заявил, что 9 мая с. г., в “День Победы”, когда молодые люди этой ультраправой организации распространяли газету “Я — Русский”, где было написано, что “нечего русским праздновать эту победу, это была братоубийственная война”, их задержали, забрали в отделение милиции, и там они сидели до конца парада”.

По словам Токмакова, его привело к русскому националистическому движению чтение книг Достоевского, Гоголя и Карамзина: “Мы русские люди и должны утверждать свои, русские идеалы. Мы хотим поменять всю систему ценностей”.

“АНТИСЕМИТИЗМ” В США

Нам пишут из Вашингтона:

Как утверждают авторы исследования, проведенного в США по заказу международной еврейской организации “Лига борьбы с диффамацией”, “лишь 48 % американцев не поражены вирусом антисемитизма”.

По данным исследователей, 17 % взрослых американцев (примерно 35 млн. человек) являются “закоренелыми антисемитами”, а еще 35 % (свыше 70 млн.) “не свободны от антисемитских предубеждений”. В 1992 году число “явных антисемитов” составляло в стране 20 % от численности населения старше 18 лет и заметно — до 12 % — снизилось в 1998 году.

Среди этнических групп наибольшее число антисемитов — среди испаноязычных и афроамериканцев: в обеих группах их число достигает 35 %. Среди испаноязычных иммигрантов, родившихся за пределами США, этот показатель доходит до 44 %.

По данным опроса, рост антиеврейских настроений в США вызван во многом реакцией на политику Белого Дома в отношении Израиля. Большинство участников опроса — 51 % — считает, что США “чрезмерно” поддерживают Тель-Авив.

Опрос выявил рост числа тех, кто считает, что “евреи оказывают чрезмерное влияние на политику администрации в отношении сторон конфликта на Ближнем Востоке”, а также полагают, что “из-за предвзятой ближневосточной политики Белого Дома увеличивается вероятность террористических актов против США”.

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ И. Л. СОЛОНЕВИЧА

В “Фонд издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича” поступили следующие суммы, за которые редакция приносит сердечную благодарность:

От М. П. Смирновой — 150,00 австр. долл. и 200,00 ам. долл., от В. И. Рязанцева — 150,00 австр. долл. и 100,00 ам. долл., от Т. И. Николь — 100,00 ам. долл., и 50,00 ам. долл., от К. Н. Баумгартен — 48,00 песо, от Н. Карсанова — 100,00 ам. долл., от Л. Андреевой — 18,00 ам. долл., от Т. И. Опульской — 200,00 ам. долл., от А. Н. Неклюдова — 200,00 ам. долл., от о. Николая (Неклюдова) — 200,00 ам. долл., от Н. А. Хидченко — 100,00 ам. долл., от “Друзей России” — 500,00 песо, от А. Стенина — 8,00 ам. долл., от Ю. В. Дмоховского — 23,00 ам. долл., от Л. Андреевой — 8,00 ам. долл., от Д. Б. Зарецкого — 25,00 ам. долл., от И. Акионова — 8,00 ам. долл.

От А. А. Марченко — 1.000,00 песо, от Б. Митрохина — 100,00 ам. долл., от о. Николая Неклюдова — 300,00 ам. долл., от А. А. Абрамова — 500,00 ам. долл., от Ю. В. Дмоховского — 200,00 ам. долл., от Р. Полчанинова — 25,00 ам. долл., от В. С. Подо (в память г-жи В. А. Подо) — 500 ам. долл., от И. Калинина — 200,00 ам. долл., от В. Ивановой — 100,00 ам. долл., от Т. И. Николь — 312,00 ам. долл., от М. П. Смирновой — 312,00 ам. долл., от К. Студенцова — 26,00 ам. долл., от Б. С. Димитрова — 200,00 ам. долл., от А. П. Голубева — 250,00 ам. долл., от Р. И. Костючика — 200,00 ам. долл., от Г. Н. Алпатовой — 50,00 ам. долл.